

И. Кант о совместимости знания и веры

Статья посвящена решению И. Кантом вопроса об основании, позволяющим мирно сосуществовать естественно-научному и религиозному мировоззрениям, что особенно ярко продемонстрировала научная революция Нового времени. Этим основанием он считал принципиально разные предметы теоретического и практического видов познания и обусловленные этим различием цели, задачи и приемы исследования. Предметом первого вида познания оказываются *естественные* (независимые от чьей-либо воли) явления и процессы, предметом второго – разумное *поведение* свободных и поэтому морально ответственных *лиц*. Итог теоретического познания – *знание* о не поддающихся произвольному изменению свойствах мира, итог практического – *вера* в осуществимость желаемого с помощью свободно избираемых правил поведения.

Ключевые слова: Кант; природа; практическое; теоретическое; познание; знание; вера; правила поведения.

Предлагаемая работа продолжает серию статей, посвященных противопоставлению И. Кантом *теоретического* и *практического* видов познания – (*theoretische Erkenntnis* и *praktische Erkenntnis*)¹. В этих публикациях, в частности, говорится, что в начале 1770-х годов Кант в ходе размышлений о проблемах этики, современной ему метафизики и ряда естественно-научных дисциплин, которые он читал на протяжении многих лет, пришел к выводу, что практические поступки людей направляются особой деятельностью разума, использующего совершенно иные познавательные приемы, чем в случае *теоретического познания* природы и ее закономерностей. С открытия противоположности двух самостоятельных видов познания, а также первых попыток выявить их специфику начинается период в творчестве Канта, который принято называть *критическим*. В письме М. Герцу от 21 февраля 1772 г. он сообщает о замысле «предложить критику чистого разума, которая рассматривает природу и теоретического, и практического познания, поскольку оно есть чисто интеллектуальное. Сначала я составлю первую часть этой критики, содержащую источники метафизики, ее метод и границы, а потом уже – чистые принципы морали. Что касается первой части, то я издам ее в течение трех ближайших месяцев» [17, с. 490].

Как известно, работа над *пропедевтикой* (Кант называл ее также *феноменологией*) вместо предполагаемых трех месяцев растянулась на многие годы, потребовала от него издания громадной *Критики чистого разума*, посвященной в основном *теоретическому* познанию и лишь частично – *практическому* в главе *Канон чистого разума* (чуть менее 60 страниц в первом издании). Затем были *Основоположение метафизики нравов* и *Метафизические начала естествознания*. Ему пришлось опубликовать отдельным изданием *Критику практического разума*, ко-

* Геннадий Васильевич Болдыгин, канд. филос. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Болдыгин Г. В. И. Кант о теоретическом и практическом видах познания // Вестник РУДН. Серия : Философия. – 2012. – № 3. – С. 68–91 ; Болдыгин Г. В. Истина или польза. Избранное. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2013. – С. 43–76 ; Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» (Против утилитаризма). – 2013. – № 1 (1). – С. 127–138 ; Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике *теоретического* и *практического* видов познания (статья первая). – 2014. – № 3 (6). – С. 120–136 ; Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике *теоретического* и *практического* видов познания (статья вторая). – 2015. – № 3 (10). – С. 70–92 ; Болдыгин Г. В. И. Кант о *знании* и видах *веры*. – 2016. – № 4 (15). – С. 58–68.

торая задумывалась как часть первой *Критики* в ее втором издании². Во время работы над второй *Критикой* Кант задумывает *Критику вкуса*, превратившуюся в *Критику способности суждения*. Завершающей *Критику разума* стала работа *О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики»*, где дается *критическая* теория права, *пропедевтика* к правовой части *Метафизики нравов*. Работа над *критическим* введением отняла у Канта и время и силы, которых ему не хватило для завершения *Метафизики природы*, что вполне объяснимо, так как ему пришлось переосмыслить едва ли не весь понятийно-терминологический аппарат европейской науки, созданный за две с лишним тысячи лет ее истории. Кант даже вынужден был изобретать новые термины для обозначения открывавшихся перед ним сторон и нюансов в деятельности человеческого интеллекта.

Примером **переосмысления** может служить термин *знание*. Его современники писали и говорили о теоретических и практических *знаниях*, которые добываются *теоретическими* и *практическими науками*. Кант же полагал, что *знание* не может быть *практическим*, поскольку обозначающий его термин (*das Wissen*) означает не содержательную часть научного вывода, а оценочную категорию, которая наряду с *мнением* и *верой* говорит о *степени убежденности* в истинности суждения. В одном из последних разделов *Критики чистого разума*, который так и называется «О мнении, вере и знании», он писал, что *знание* возможно только как результат *теоретического* познания; *практической* может быть только *вера* (*прагматическая, моральная и религиозная*)³, т. е. меньшая, чем *знание*, степень убежденности, которая появляется как итог *практического познания*. И, однако, не теоретическая убежденность в истинности представлений, не *знание*, побуждает совершать людей те или иные практические действия, считал Кант, а только вера в осуществимость желанной цели, если следовать тем или иным *правилам поведения*.

Примером **изобретения** новых терминов являются словосочетания *теоретическое познание* и *практическое познание*. Его современники писали и говорили о *теоретических* и *практических науках*; а слово *познание* они определяли как *рациональное* либо *эмпирическое*. О *теоретическом*, а особенно о *практическом познании* они ничего не знали и, разумеется, не использовали эти термины. Но и наши современники почти не используют изобретенные Кантом словосочетания, возможно, потому, что им, привыкшим к оппозиции *теоретическое – эмпирическое*, пришедшей в русский язык из так называемой *философии науки* XX века, непонятны основания, по которым *теоретическое* познание противопоставляется *практическому*, которое чаще всего трактуется как разновидность *эмпирического* познания. В свою очередь, современники Канта даже не предполагали, что могут существовать основания для противопоставления *эмпирических* знаний *теоретическим*. Они, следуя перипатетической традиции, разделяли все науки и добываемые ими знания на *теоретические* и *практические* на основании различия их *предметов*.

Предметами *теоретических наук* считались объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола. О таких объектах, по выражению Аристотеля, *мы не принимаем решений, поскольку они «существуют с необходимостью», не могут быть «такими и иными»*⁴. Неизме-

² См.: Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» [17]

³ Аналогом *практической веры* Кант считал *доктринальную веру*, которая является итогом логически безупречных выводов о предметах, не подкрепленных опытом.

⁴ «Никто, – поясняет Аристотель, – не принимает решения о вечном... а также и о том, что, изменяясь, изменяется всегда одинаково... (как, например, солнцевороты или восходы)» [4.1112 a20–23].

няемостью таких объектов, а также постоянством регулярных изменений некоторых из них объяснялось возможность достижения истинного знания (*ἐπιστήμη*), невозможного, как вслед за софистами считали Платон и Аристотель, при познании текучих, постоянно меняющихся вещей. Недоступность этих объектов произвольным изменениям, а также сознательным воздержанием от них объяснялось и то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с *космосом*) – это *созерцание*, или *теория*. Буквальное значение слова *θεωρία* – *созерцание, наблюдение* с помощью чувств либо ума⁵. Древние в своем большинстве оценивали достоверность результатов *умозрения* выше итогов чувственного созерцания, полагая, что последнее из-за его тесной связи со страстью (*παθος*) способно дать лишь изменчивое *мнение* (*δόξα*). Демокрит, по легенде, выколол себе глаза, чтобы размышлять об *истинных* атомах и пустоте, не отвлекаясь на *мнимые* цветовые, вкусовые, осязательные и другие чувственные характеристики вещей. Однако и чувственное *созерцание* для древних эллинов – это все та же *θεωρία* (теория).

Предметами *практических* наук считались объекты, в возникновении и изменении которых решения людей, направляемые их волей, имеют определяющее значение. Сфера решений, считал Аристотель и перипатетики, ограничена *будущим*, но не всякое будущее – предмет практических размышлений и решений, а только то, которое в отличие от неизбежных солнцеворотов и восходов может быть, а может и не быть, поскольку «зависит от нас и не всегда бывает одинаково» [4, 1112 b18]. Только о будущих *поступках* как *средствах* достижения практических целей *мы принимаем решения*, считал Аристотель [Там же, 1112a–1113a]. Выбор того или иного средства, полагал он, осуществляет практический *ум*, который *отличается от теоретического ума своей направленностью к цели* [1, 433 a15]⁶. Этот выбор Аристотель отождествляет с *поиском и анализом*, «как в задачах на построение» [4, 1112 b 15], уже описанных им в *Аналитиках*. Иными словами, два вида *ума* используют одинаковые приемы познания, отличаясь лишь предметами своих размышлений.

Кант во многом идет за Аристотелем, но две с лишним тысячи лет не могли не сказаться на его взглядах и взглядах его современников. Так, в классификации наук Хр. Вольфа, ставшей основой учебных планов немецких и вслед за ними первых русских университетов, перипатетическое членение наук по предметам, сформировавшееся в эпоху эллинизма, дополнялось еще и указанием на используемые этими науками *способы* познания – *рациональные* и *эмпирические*. В результате Вольф и его последователи изучали и преподавали не только *теоретические рациональные*, но и *теоретические эмпирические* науки, противостоящие *практическим* наукам – *рациональным* и *эмпирическим*⁷.

⁵ Об *умозрении* как особой познавательной способности говорил Аристотель, когда рассуждал о *созерцающем* (т. е. *теоретическом*) *уме*, отличающемся от практического *ума, направленного на деятельность*: «Созерцающий ум не мыслит ничего относящегося к деятельности и не говорит о том, чего следует избегать или добиваться...» [1, 432 b25–30].

⁶ Вот как представлял Аристотель принятие практического решения *умом, направленным на деятельность*: «*Решение* наше касается не *целей, а средств к цели*... никто из... мастеров [не сомневается] в целях, но, поставив цель, он заботится о том, каким образом и какими средствами ее достигнуть; и если окажется несколько средств, то прикидывают, каково самое простое и наилучшее; если же достижению цели служит одно средство, думают, как ее достичь при помощи этого средства и что будет *средством для этого средства*, покуда не дойдут до *первой причины, находят которую последней*. Принимая решение, занимаются как бы поисками и анализом описанным выше способом (так же как в *задачах на построение*)» [4, 1112 b10-15].

⁷ По Вольфу, *теоретические рациональные науки* – это рациональные *космология, теология и психология, теоретические эмпирические* – *догматическая физика, телеология*; практические рациональные науки – *этика, политика, экономика, практические эмпирические*.

Критический Кант создал свою классификацию наук и видов познания, значительно отличающуюся от той, в согласии с которой он читал лекции в *alma mater*, но и для него противопоставление *теоретического* познания *эмпирическому* было немислимо. Возможность *созерцать* предметы, независимые от чьего-либо произвола, оставалось для него отличительным признаком наук *теоретического познания*, количество которых Кант сократил до двух. Ими, с его точки зрения, могут считаться только математика и естествознание, «ибо только они могут показать нам предметы в созерцании...» [11, с. 33]. Кант имел в виду чувственное созерцание. *Интеллектуальное созерцание (умозрение)*, считавшееся в его время источником *рациональных теоретических наук*, Кант исключил из числа *познавательных способностей* людей. Учение об интеллектуальном созерцании, иронизировал он, «вытекает из желания... созерцать вещи, не пользуясь чувствами... из желания обладать возможностями познания, совершенно отличающимися от человеческих способностей...» [5, с. 437].

Все *рациональные теоретические науки* из классификации Вольфа Кант переводит в разряд наук *спекулятивного познания*⁸, которое «направлено на такой предмет или такие понятия *о* предмете, к которым нельзя прийти ни в каком опыте. Оно противоположно *познанию природы*, которое направлено только на те предметы или их предикаты, которые могут быть даны в возможном опыте» [5, с. 815]. Однако не природу, считает Кант, изучают науки *теоретического познания* математика и естествознание, хотя слово *Natur* входит в состав названия одной из них – *die Naturwissenschaft*, но *предметы возможного опыта* и *их предикаты*. Слово сочетание *познание природы* он использует как метафору, обычную в его время.

Кант обращает внимание на то, что термин *природа* используется его современниками для обозначения трех достаточно разных понятий только лишь потому, что каждое из них исключает малейшую возможность произвольного изменения подразумеваемых ими объектов. Первое из них (Кант называет его *формальным*) – перипатетическое понятие *природы-естества (φύσις)* как неизменной *сущности*, определяющей способ *естественного* (ненасильственного) движения различных классов вещей, включая их *естественное* (неискусственное) возникновение, изменение и уничтожение. Это понятие подразумевается, поясняет Кант, когда «мы говорим о природе жидкой материи, огня и т. п.» [Там же, с. 565]. Второе (*материальное*) понятие природы как *совокупность явлений*, находящихся *во взаимной всепроникающей связи, некоторое существующее целое* [Там же] стало привычным после Декарта, который уничтожил антично-средневековое представление о различных *природах* протяженных телесных вещей. Понятие *существующего целого* в свою очередь состоит, по Канту, из двух понятий: «*математическое целое*, обозначаемое чаще всего термином *мир*, и *динамическое целое*, которое чаще всего и обозначают термином *природа*» [Там же, с. 563–565].

Природа во всех трех значениях этого слова обозначает, по Канту, *понятия разума*, кардинально отличающиеся от *понятий рассудка*, которые обязательно включают в себя чувственные характеристики познаваемого предмета (например, характерный блеск в понятии *металл*), поскольку *рассудок* не автономен: «Наш *рассудок* и наша *чувственность* могут определять предметы *только в связи друг с другом*» [Там же, с. 413]. Участие чувственности в понятийном познании *рассуд-*

⁸ Латинское слово *speculatio* – этот точный аналог греческой θεωρία – первоначально означал у римлян, как и у эллинов, *созерцание, наблюдение*. Даже производное от него слово *speculātor* имеет сходные с древнегреческим *теоретиком* значения – *наблюдатель, разведчик, вестовой*. Поздняя схоластика странным образом превратила *speculatio* в *умосозерцание*, отличая ее от *интуиции (intuition)*, под которой до Декарта с его *рациональной интуицией* понималось исключительно чувственное *созерцание*.

ком *предметов опыта* и их *предикатов* Кант оправдывает название этого вида познания как *теоретическое*. Разум же автономен, т. е. в своей деятельности независим от *принуждения чувственности* и созданных с ее участием *понятий рассудка*. Для своих практических нужд он самостоятельно создает собственные понятия – *понятия разума*, или *идеи*, объекты которых никогда не встречаются в опыте, даже в *возможном опыте*: «Под идеей я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [5, с. 493]. Все три *понятия природы* – это лишённые чувственных характеристик *понятия разума*, т. е. *идеи*. Можно созерцать огонь, но его *природа*, как и *природы* воды, воздуха, земли, недоступна чувствам. И *целое всех явлений*, настаивает Кант, также «есть *только идея*, так как мы никогда не можем представить это целое в образе, и потому оно остается *проблемой* без всякого разрешения» [Там же, с. 495].

Идеи, считал он, практичны по своей сути: каждая из них оправдывает стремление людей к желанным целям. Идеи бога и бессмертной души, по Канту, выражают желание общественного устройства на основе моральных начал, а *категорический императив* указывает путь к этой цели⁹. Три идеи *природы*, каждая из которых исключает свободу воли, оправдывают нелюбимые Кантом атеизм, фатализм, материализм. Однако именно идея *природной необходимости* наиболее адекватно воплощается в *предметах опыта*, которые, по Канту, принадлежат *области понятий природы*, т. е. сфере *теоретического познания*, где законодательствует *рассудок* и нет места для произвола, пусть даже божественного. *Теоретическое познание*, по его убеждению, атеистично: «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей, – это, по меньшей мере, не физическое объяснение...» [Там же, с. 667].

Однако, высоко оценивая возможности *теоретического познания* получать истинное знание, Кант считал большой ошибкой абсолютизацию его как единственного, которое можно считать действительно *познанием*. Его никак не устраивал сформировавшийся в его время культ природы и естествознания как последней инстанции в разрешении всех проблем, волнующих людей. В этом однобоком культе он видел угрозу моральной ответственности людей, которая возможна лишь при наличии у них свободы воли. Но просветители, допуская *свободу* как возможность поступать в соответствии со своими *желаниями*, отрицали *свободу воли*, то есть способность людей отдавать предпочтения одним желаниям и подавлять другие, руководствуясь собственным разумом. Человек как часть природы, полагали они вслед за Спинозой, *не волен* в выборе собственных *желаний*, так как они являются вытесняющими друг друга *аффектами*, сила и характер которых обусловлены воздействием на него материальных причин, преломляющихся через призму его телесной организации. Кант приходит к выводу, что неспособность *рациональной теологии* и *рациональной психологии* убедительно опровергнуть материализм и атеизм и доказать способность нематериальной души руководить отданном в ее распоряжение телом обусловлена тем, что приемы *теоретического познания* пригодны лишь для предметов, чьи важнейшие характеристики исключают возможность их произвольного изменения. Но эти приемы непригодны для познания *своевольных действий* людей, которые в своем поведении руководствуются собственными представлениями о том, что имеет право на *существование (Dasein)*, а что нет. Кант указывает на кардинальное различие целей двух видов познания: «Я ограничиваюсь здесь дефиницией теоретического познания как такого, посредст-

⁹ «Если вы представите себе человека, который уважает моральный закон и которому приходит на ум мысль (он вряд ли может избежать ее), какой мир, руководствующийся практическим разумом, он *создал* бы, если бы это было в его силах, и притом так, чтобы и сам он оставался в нем как его часть, – то, если бы ему был предоставлен выбор, он не только остановился бы именно на таком, какой порождает моральная идея о высшем благе...» [10, с. 10].

вом которого я познаю, *что есть (da ist)*, а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, что *должно быть (dasein soll)*» [5, с. 812, 813]. Правила, которыми руководствуются свободные индивиды, выбирая ту или иную цель, тот или иной способ ее достижения, являются предметом особого *практического познания*.

Слова *практическое, свободное, разумное*, с точки зрения Канта, почти синонимы, они представляют собой триединую характеристику поведения вменяемых людей, отличающих его от инстинктивного поведения животных. Противопоставляя *практику* бездумным действиям (*Hantierungen*), что тоже случается с людьми, Кант видел в ней «осуществление (*Bewirkung*) цели, которое мыслится как следование определенным, обобщенно представленным принципам поведения» [9, с. 241]. В начале своего *критического* предприятия он выделял три таких *принципа*, или три *практических правила поведения*, – правила *умения*, или *искусности* (*Geschicklichkeit*), правила *благоразумия* (*Klugheit*), правила *нравственности* (*Sittlichkeit*) [19, с. 2]. Эти правила он называл также *императивами* – техническими, прагматическими и моральным, единственным в отличие от двух первых, но в трех широко известных формулировках. Следование одним *практическим правилам* или другим, а также отказ от любого действия, считал Кант, является результатом свободного выбора в отличие от рефлекторного поведения неразумного животного и потерявшего разум невменяемого человека, находящегося во власти *патологической (животной) воли*. Не принудительно неизбежно, считал он, следование *советам благоразумия* и даже *правилам нравственности*, хотя их *взвешивания* требуют не считаться с обстоятельствами *места и времени*: человек свободен в выборе морального, аморального или даже преступного поведения.

Все *практические правила – умения, благоразумия, нравственности* – и соответствующие им три вида практики, которые выделял Кант, вполне самостоятельны¹⁰. Ни один из этих видов не является *базисным* или *надстроечными*, как в более поздней марксистской теории, которая разделяет отношения людей с вещами и друг с другом на *первичные* (производственные) и *вторичные* (идеологические). Для истинно человеческой жизнедеятельности, считал Кант, нужны и *умения*, и *благоразумие* и *нравственность*, благодаря которым он способен не просто рефлекторно реагировать на внешние стимулы и сигналы собственного организма, но проектировать и пытаться осуществлять тот мир, в котором *он сам хотел бы жить*.

Однако самодостаточность и важность для людей всех трех видов практической деятельности не исключает иерархии руководящих ими *императивов*. Кантовская иерархия *практических правил* напоминает перипатетическую *лестницу существ*, размещение на ступенях которой различных животных определяются не первичностью или вторичностью происхождения, не степенью их родства, а степенью совершенства. Принципом кантовской *лестницы практических правил поведения* является степень их разумности. *Разум*, в его кантовской трактовке, руководит всеми практическими, а значит, свободными действиями людей¹¹.

Кант с большим уважением относился к *искусности (Geschicklichkeit)* умельцев, включающей и редкое *искусство (Kunst)* поэтов, художников, музыкантов и любого из тех, кого немцы называют *Künstler*, а мы обобщенно – *художником* или, по советской традиции, *работником искусства*. Но участие разума в деятельности умельцев-искусников ограничено. Гениальные изобретатели и художники могут продемонстрировать свое редкостное *умение*, но зачастую не способны объяснить даже себе, как им удается легко делать то, что другим не удается никогда либо

¹⁰ См.: Hinske N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. – Freiburg/München, 1980.

¹¹ «...Разум, – писал Кант, – есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» [5, с. 719].

удается далеко не лучшим образом. Поэзия, как заметили еще в античности, невозможна без некоторой доли безумия, которого так не хватает расчетливым графomanам. В *Антропологии* даются примеры разной степени разумности, которая требуется для различных практических действий¹².

До написания окончательного варианта «*Критики способности суждения*» Кант считал, что разум в гораздо большей степени, чем в *правилах умения*, присутствует в управленческих по сути *прагматических императивах*, следуя которым можно использовать других лиц в качестве *средства* для достижения собственного или всеобщего счастья, хотя ли они этого или нет. На высшую ступень в иерархии *практических правил поведения* Кант, как известно, ставил *веления нравственности*. Из всех императивов его восхищает только *моральный закон*, который *внутри нас* и который, по Канту, исключительно *разумен*, поскольку требует беспрекословного подчинения себе всегда и везде в отличие от остальных правил, вынужденных учитывать обстоятельства *места* и *времени*. Только морально-правовые нормы, составляющие *метафизику нравов*, которую *каждый человек имеет в себе, хотя и в туманном виде*, могут быть предметом *практической философии*, создаваемой одним только *разумом*, считал Кант [12, с. 237].

Многочисленные же *правила умения*, включивших в себя согласно последней *Критике* и *правила благоразумия*, считал Кант, не заслуживают того, чтобы быть предметом *практической философии*, поскольку применение их зависит от *случайных* целей, а сами они есть *коллорарии* – необязательные следствия из естественно-научных теорий. Впрочем, свою *теорию морали*, изложенную в *Основоположении метафизики нравов* и в *Критике практического разума*, а также собственную *теорию права* из работы *О поговорке “Может быть это верно в теории, но не годится для практики”* Кант также не включает в *практическую философию*, поскольку их предметом является *природа, естество* отдельного человека, поведение которого в рамках *рода* (в больших социальных группах) подчинено статистическим закономерностям и также является предметом *теоретического познания*¹³.

В кантовской иерархии *практических правил поведения* нижнюю ступень всегда, начиная с набросков первой *Критики*, занимали *правила умения*, с которыми в последней *Критике* объединились *правила благоразумия* в рубрике *технически-практических императивов*. Умение управлять *лицами* принципиально не отличается от *умения обращаться с вещами*, посчитал Кант в последнем варианте *Введения в Критику способности суждения*, окончательно расставаясь с идеей *практической философии*, которая по первоначальным замыслам должна была состоять из *прагматической* и *моральной философии*. «Практическая философия содержит... правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия...» – говорил Кант во вводной лекции к курсу этики, который он читал в период работы над *Критикой чистого разума* [19, с. 5].

С точки зрения наших современников, имеющих дело с колоссальным количеством исследований, посвященных *технологии* и теории *управления*, внимание Канта к этим формам практического знания представляется недостаточным. Так, в *Основоположении к метафизике нравов* говорится: «Как возможен императив

¹² «Действующий соответственно строгому приказу слуга или государственный служащий нуждается только в рассудке; офицер, которому для выполнения задания дано лишь общее правило и представляется самому определить, как поступать в каждом данном случае, должен обладать способностью суждения; генерал, которому надлежит судить обо всех возможных случаях и самому разработать для них правила, должен обладать разумом» [15, с. 223].

¹³ См., напр.: работу *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*, где Кант обращает внимание на то, что действия людей, определяемые их *свободной волей*, вместе с тем, как говорит статистика, например, заключаемых браков, поддаются количественным и, значит, *природным* закономерностям.

умения, это, конечно, не нуждается в особом исследовании. Кто хочет цели, тот хочет (поскольку разум имеет решающее влияние на его действия) также и совершенно необходимого для нее средства, которое находится в его власти» [6, с. 131]. Кант, конечно же, не догадывался, до каких масштабов на рубеже тысячелетий вырастет промышленный шпионаж, целью которого станет похищение именно *императивов умения*, называемых в наши дни *know-how*, самостоятельное изобретение которых весьма проблематично, а то и вовсе невозможно. Именно поэтому *know-how* являются коммерческой тайной в отличие от практически бесполезных результатов *фундаментальной науки (fundamental science)*, публикуемых в открытой печати.

Однако хищение практически знаний существовало с древнейших времен, что отражалось даже в мифах. Адам вместе Евой были наказаны за то, что вопреки запрету приобрели божественное умение различать добро и зло. Свое наказание получил и Прометей, передавший людям секреты ремесел, принадлежавших олимпийским богам. Кант, конечно, был наслышан о кражах тщательно охраняемых фамильных рецептов мастерства. Вполне вероятно, он имел в виду и эти неприглядные с моральной позиции факты, когда объяснял трудности самостоятельного изобретения *know-how* отсутствием у подражателей и копиистов гениальности, которая отличается как раз неповторимостью. «Талант к изобретению называют *гением*. Однако так всегда именуют только *мастера*, т. е. того, кто умеет что-то *сделать*, а не того, кто только обладает многими сведениями и *знаниями*; но и не того мастера, который просто подражает, а того, кто создает свое творение первоначально, и наконец, в том случае, если его продукт может считаться *образцовым*, т. е. если он достоин того, чтобы служить примером (*exemplar*) для подражания» [13, с. 254].

Противопоставление Кантом двух видов познания, сыгравшее колоссальную роль в становлении *критического идеализма*, не получило, однако, признания у современников и их потомков. Не прижились и обозначающие их термины. Кант, пытаясь объяснить непонимание важнейших для него идей, утверждал в *Первом Введении в Критику способности суждения*, что его оппоненты, отрицая принципиальные отличия *трех способностей души* – *способности познания, чувства удовольствия и неудовольствия и способности желания*, – «объявили это различие лишь мнимым и стремились свести все способности к одной только способности познания» [8, с. 855]. Нелегко понять, кого именно упрекает Кант в сведении всех интеллектуальных способностей к одной единственной. Скорее всего, он имеет в виду общую для просветителей убежденность в том, что все несчастья людей происходят исключительно от предрассудков, а единственный способ избавиться от них – широкое распространение *знаний*, полученных с помощью *естественного света разума*.

Однако упреки Канта в адрес реальных или возможных оппонентов были не вполне справедливы: его учение о *трех способностях души* окончательно сложилось только в процессе работы над *Критикой способности суждения*. В обновленном *Введении* к ней, где эти упреки отсутствуют, Кант сосредоточился на разъяснении собственных воззрений на специфику этих *способностей*, лежащих в основе *теоретических, практических, телеологических и эстетических* суждений. Следует всё же признать, что непонимание или сознательное неприятие учения о специфике и равноправии различных форм интеллектуальной деятельности, безусловно, способствовали тому, что противопоставление Кантом двух видов познания и особенно его взгляды на *практическое познание* не привлекли должного внимания. Это невнимание во многом обусловлено также чрезвычайно редким использованием самим Кантом термина *практическое познание*. В последней

Критике словосочетание *практическое познание* автору этой статьи встретилось всего один раз (см.: [8, с. 136, 137]).

Кроме того, слово *познание* (*Erkenntnis*) Кант в соответствии с нормами немецкого языка употреблял в двух основных значениях – как познавательный процесс и, наряду со словами *Kenntnis* и *Wissen*, как его результат, т. е. *знание*, которое, как он считал, может быть итогом только *теоретического познания*. Видимо, поэтому уже в первой *Критике* при характеристике интеллектуальной деятельности, лежащей в основе практических действий, термин *практическое познание* начинает оттесняться словосочетаниями *практическое применение* и *практическое употребление разума*.

От произведения к произведению всё реже встречается и термин *теоретическое познание*. Вместо него Кант использует слово *познание* без уточняющего определения *теоретическое*, видимо, потому, что почти исчезло оппозиционное ему словосочетание – *практическое познание*. Означает ли постепенное расставание Канта с терминологией начала *критического периода* кардинальное изменение его взглядов на противоположность двух видов интеллектуальной деятельности, либо в основе изменений терминологического аппарата лежат какие-то иные причины, например, смещение интереса к другой проблематике – вот вопрос, который, подобно едва ли любому вопросу, касающемуся кантовских убеждений, не имеет однозначного ответа.

Вероятно, одной из причин всё более редкого использования Кантом термина *практическое познание* была и та, что *разум*, главным назначением которого он считал руководство с помощью *правил поведения* практической деятельностью людей, играет громадную роль и в *теоретическом познании*, выполняя *регулятивную* и *логическую* функции, – дает направление познавательной деятельности рассудка и осуществляет итоговый *вывод* из посылок, создаваемых *рассудком* и *определяющей способностью суждения*. Кант называл исполнение *разумом* этих функций *теоретическим употреблением* (*Gebrauch*), а иногда *применением* (*Anwendung*) *разума* и использовал в качестве оппозиций этим терминам их антонимы – *практическое применение* и *практическое употребление разума*, которые он не противопоставляет словосочетанию *практическое познание*, а использует как их аналоги¹⁴.

И еще. Умозаключения *разума* о *практических правилах поведения*, если следовать Канту, трудно назвать *познанием*, т. е. приобретением *знаний*. *Правила нравственности*, образующие *метафизику нравов*, не познаются, а лишь проясняются в процессе размышлений о *разумных* началах общественной жизни. *Правила умения*, к которым в последней *Критике* были причислены и *правила благоразумия*, впервые становятся достоянием человечества в результате загадочной деятельности *разума* отдельных *гениев* по их изобретению. «Практическое правило есть всегда продукт разума...» – говорится во второй *Критике* об источнике всех императивов, в том числе и технических [7, с. 323].

Остальные люди чаще всего познают изобретенные кем-то *правила умения* и *благоразумия* как некую данность, как то, что уже существует (*da ist*), т. е. *теоретически*. Лишь некоторым из нас и лишь малую часть этих правил приходится изобретать самостоятельно. *Категорический императив*, устанавливающий границы разумности во взаимоотношениях *лиц*, принадлежит *природе человека* и является предметом кантовской *теории морали* и *права*. Тот мыслительный процесс,

¹⁴ В первой *Критике*, где Кант вслед за дефиницией теоретического и практического видов познания, указывающей на различие их целей, совершенно недвусмысленно говорит: «Соответственно этому теоретическое употребление разума есть то, посредством которого я *a priori* (как не-обходимое) познаю, что нечто существует (*daß etwas sei*), а практическое – то, посредством которого я *a priori* познаю, что должно произойти (*was geschehen solle*)» [5, с. 812, 813].

который Кант называл *практическим познанием* или *практическим употреблением разума*, есть не *изобретение* и, тем более, не *открытие*, а оценка пригодности уже известных *практических правил* для достижения желаемых результатов. Именно такое поведение мы считаем осмысленным и *разумным*, отличая его от инстинктивного поведения животного или психически больного человека, которым овладевает *патологическая животная воля*. «...Разум, – писал Кант, – есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» [11, с. 719]. Выбор подходящих для этого *правил* осуществляется *разумом* в процессе мыслительной деятельности, сходной с той, которую немного позже стали называть *проектированием*, а Кант называл *практическим познанием разума*¹⁵.

Еще одна особенность *теоретического* познания в кантовской трактовке – его *ретроспективность*, поскольку оно направлено на предмет *опыта* (Erfahrung), на то, что уже *произошло* и что, образно выражаясь, осмысливается *после поездки*¹⁶. Даже предметы *возможного* опыта уже *есть* и другими стать не могут, если, конечно, их изменения не предопределены природными закономерностями. В отличие от ретроспективного *теоретического* познания *практическое* познание, или *практическое применение* разума, можно назвать *перспективным*. Следуя Канту, его нельзя считать познанием *будущего*, которое, как модус неумолимого *времени* – предмет *теоретического* интереса¹⁷. *Практическое познание* перспективно потому, что направлено на поступки, которые еще не произошли, но могут произойти, а могут не произойти никогда, если на это не будет нашей воли. *Разуму*, в трактовке его Кантом, не доступно *знание* будущего, которое он проектирует. *Знание* – это прерогатива *рассудка*. Однако и рассудок не способен *знать* то будущее, которое зависит не от законов *природы*, но только от нашего *решения* совершить поступок или воздержаться от него. В основе же наших решений, предшествующих поступкам, лежит не *знание* того, *что есть*, а *убежденность* в осуществимости задуманного, т. е. *вера*, которая может быть *разумной*, а может быть и *неразумной*, если в ее основе лежит *патологическая воля*.

Нам, полагал Кант, не дано *знать*, как выглядят *вещи*, не рассматриваемые через призму *теоретических* познавательных способностей – чувственности и рассудка или через призму *разумных* целей и средств, с помощью которых мы решаем практические задачи. Для того чтобы узнать, какой может быть *вещь*, *рассмотренная сама по себе* (Ding an sich selbst betrachtet)¹⁸, т. е. не *теоретически* и не *практически*, нужно обладать, по ироническому замечанию Канта, *нечеловеческими* познавательными способностями. Может быть, такими их видит бог *рациональной теологии*, не ограниченный специфическим устройством человеческих органов чувств? Но мы этого *знать* не можем, как не можем *знать* и того, существует ли бог (*da ist*) или нет, хотя его существование, полагал Кант, *настоятельно требует* (*постулирует*) *разум*, занятый решением моральных проблем. Через

¹⁵ По одному из определений *практического познания*, оно есть мысленное *превращение в действительность* (wirklich zu machen) познаваемого предмета, то есть того, что, по другому определению, *должно быть* (dasein soll) [5, с. 10, 11].

¹⁶ «После поездки» – возможный буквальный перевод слова «Erfahrung», где частица «ег» говорит о выполненном, совершенном действии, а термин «Fahrung», образованный от «fahren» (ездить, путешествовать), употребляемый сейчас почти исключительно горняками для обозначения передвижения внутри горы, шахты, можно истолковать как *поездка*.

¹⁷ «Каузальность разума... не возникает и не начинается в определенном времени, чтобы произвести действие. Ибо в противном случае сама была бы подчинена естественному закону явлений, поскольку этот закон определяет причинные ряды во времени, и тогда каузальность [разума] была бы природой, а не свободой» [5, с. 719].

¹⁸ Г. Праусс еще в 70-х годах прошлого века убедительно доказал, что в текстах Канта термин Ding an sich (вещь в себе) является редуцированной формой более развернутого словосочетания Ding an sich selbst (вещь сама по себе), а оно, в свою очередь, является формой сокращения оборота Ding an sich selbst betrachtet (вещь, рассмотренная сама по себе) (см.: [20]).

призму же человеческих способностей вещи нам даны либо *теоретически*, и тогда они для нас – неподатливые, игнорирующие наши желания *предметы опыта*, либо *практически*, и тогда они – *ноумены*, т. е. мысленно осуществляемые предметы наших желаний.

Взгляды Канта на суть *теоретического познания* и интеллектуальной деятельности, руководящей практикой, от произведения к произведению существенно уточнялись, а некоторые из них серьезно менялись¹⁹. Можно даже сказать, что именно эти изменения инициировали создание двух последних *Критик* и примыкающую к ним работу *О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”*. Не менялось только убеждение Канта, что образ мира и населяющих его вещей (*область понятий природы*), который исследует *теоретическое познание*, серьезнейшим образом отличается от того, каким он нам видится через призму *практического познания* (*область понятия свободы*), или, говоря другими словами, через призму *практического применения и употребления разума*. Возможность сосуществования разных, лишь по видимости взаимоисключающих, образов мира в сознании людей, которое вовсе не свидетельствует о шизофреническом раздвоении личности, – важнейший вывод, который сделал Кант из противопоставления теоретического и практического видов познания. Скорее, убеждение в возможности мирного сосуществования двух различных мировоззрений обосновывалось им с помощью противопоставления двух видов познания.

В *Критике способности суждения* Кант пишет: «...между областью понятия природы... и областью понятия свободы... лежит необозримая пропасть, как если бы это были настолько различные миры, что первый не может иметь никакого влияния на второй, – тем не менее второй *должен* влиять на первый, а именно понятие свободы должно осуществлять (*wirklichmachen*) в чувственно воспринимаемом мире выдвинутую его законами цель...» [8, с. 89–91].

Утверждение Канта о способности практического *мира свободы* влиять на теоретический *мир природы* основывается на неоспоримости того факта, что люди успешно (пусть и не всегда) действуют с вещами, руководствуясь *практическими правилами поведения*, включая и те, которые диктуются моральными нормами. Возможность своевольного (конечно, до некоторых пределов) поведения в *мире природы* Кант усматривал в том, что *разумная воля* отдельного человека сама есть *природное* явление, атрибутивное качество специфической *природы* человека: «...мы познаем практическую свободу как одну из естественных причин, а именно как каузальность разума в определении воли...» [5, с. 832].

Если следовать Канту, то образ мира, который постигает и создает *теоретическое познание*, – это мир исключительно *природной необходимости*, каким он виделся Паскалю, Спинозе, Гольбаху. В *области понятий природы*, т. е. в мире *теоретического познания*, считали они, нет места для произвола, а самостоятельное принятие нами *решений* – иллюзия, поскольку даже желания, лежащие в основе наших поступков, – это вытесняющие друг друга аффекты, над которыми мы не властны и, по сути, являемся их рабами.

Практический же образ мира, принадлежащий области *понятия свободы*, вариативен, он не окончателен и может меняться в соответствии с нашими *желаниями*. В *области понятия свободы* вещь, которая в *теоретическом мире* являлась

¹⁹ Достаточно сравнить суждения Канта о *теоретических и практических науках* из *Лекции по этике* и из последней *Критики*. «Познания (*Erkenntnisse*)... называют теоретическими и практическими, каковы бы ни были их объекты... так, есть, например, теоретическая и практическая геометрия, теоретическая и практическая механика, теоретическая и практическая медицина, теоретическая и практическая юриспруденция...» – говорится в *Лекциях по этике, в Критике чистого разума* [19, с. 2]. А в *Критике способности суждения* читаем: «Практическая геометрия как обособленная наука есть бессмыслица...» [8, с. 841].

нам как независимый от нас *предмет опыта*, т. е. *феномен* (от греч. φαινόμενον – *являющееся, становящееся явным*), превращается в проект нашего собственного разума, в *ноумен* (от νοούμενον – *мысленное, умопостигаемое*), в то желанное нам, каким оно *должно быть (dasein soll)* с нашей точки зрения. В мире *практического познания* нет *природной необходимости* с ее независимыми от нас *причинами* и неотвратимыми *следствиями*, но есть только настоятельная потребность в *средстве*, нужном для достижения желанной нам *цели*.

Эту настоятельную потребность в средстве можно назвать *практической необходимостью*. Русский язык допускает возможность такого словосочетания, поскольку слово *необходимость* используется не только в значении препятствия, которое невозможно *обойти* или преодолеть каким-либо иным способом, будь это закон природы, или неизбежность, обусловленная всем предшествующим ходом событий, или предопределение божественной воли, или какая-то иная неотвратимость. В повседневном русском языке слово *необходимость* чаще всего используется для обозначения настоятельной *потребности в средстве*, без которого трудно или невозможно *обойтись* при достижении поставленной цели²⁰. Но в немецком языке термин *praktische Notwendigkeit* невозможен²¹. Кант его и не употребляет. Для характеристики практического средства, которое русские называют *необходимым*, он использует оборот *безусловно-практическое*. Так, он говорит о *безусловно-практическом познании* (unbedingt-praktischen Erkenntnis), как единственном средстве, без которого не обойтись при постижении *мира свободы*.

Если следовать Канту, два образа мира – *теоретический* и *практический* – существуют в нас, сменяя друг друга в зависимости от наших же познавательных интересов. Если нам важно знать, какие свойства в интересующих нас предметах составляют их *природу*, которую невозможно изменить с помощью имеющихся средств и самых настойчивых усилий, в дело вступает *теоретическое познание*. Рассудок, диктующий его принципы, требует, чтобы мир состоял из одних только безразличных к нашим желаниям природных *необходимостей*. Если предметом нашего интереса становятся правила поведения с *вещами* и *лицами*, включающие правила управления ими, то образ *мира* как *природы* сменяется образом *пластичного мира свободы*, в котором возможно исполнение любых *желаний*, а препятствием к этому могут быть лишь незнание нужных для этого *правил поведения* и отсутствие или недостаток собственной воли. По Канту, главная функция *практического познания*, или *практического употребления разума*, – прояснение действительно разумных *целей* и выбор таких же разумных *средств* их достижения.

Результаты *теоретического познания* – знания о том, что непреодолимо (как в случае *природной необходимости*) или недопустимо (как в случае моральных запретов или юридических норм), – представляются не менее важными для принятия практических решений, чем *вера* в осуществимость наших замыслов с помощью свободно избранных правил поведения. Эти *знания* и эта *вера* легко уживаются в нашей повседневной жизни, что порождает, если следовать Канту, иллюзию постоянного взаимодействия результатов *теоретического* и *практического познания*. Однако, считал он, два образа мира, создаваемые *рассудком* и *разумом*, сосуществуют в субъекте совершенно обособленно, хотя наш разум не соглашается с неразумностью природного мира и требует подчинения его своим целям («понятие свободы должно осуществлять в чувственно воспринимаемом мире выдвинутую его законами цель»).

²⁰ Даже в русском математическом языке под *необходимым* наряду с *достаточным условием* подразумеваются *средство*, без которого *не обойтись* при решении той или иной задачи.

²¹ Среди множества значений глагола wenden (от него образованное существительное Wendigkeit), нет близкого по смыслу русскому *обходиться* без чего-либо нужного, аналог которого в немецком языке – глагол abgehen либо обороты entberenkönnen, missenfertigwerden.

Кант развеивает иллюзию превосходства мира *свободы*, создаваемого *разумом*, и влияния его на *чувственно-рассудочный мир природы*, как, впрочем, и наоборот – иллюзию тотального господства *законов природы*, полностью исключая разумную целесообразность свободного поведения человека: «Рассудок а priori устанавливает законы для природы как объекта чувств в целях теоретического познания ее в возможном опыте. Разум а priori устанавливает законы для свободы и ее особой каузальности как сверхчувственного в субъекте в целях безусловно-практического познания (unbedingt-praktischen Erkenntnis). Область понятия природы под одним законодательством и область понятия свободы под другим полностью оторваны друг от друга из-за глубокой пропасти, отделяющей сверхчувственное от явлений и не допускающей какого-либо взаимного влияния... Понятие свободы ничего не определяет в отношении теоретического познания; понятие природы точно так же ничего не определяет в отношении практических законов свободы; и в этом смысле невозможно перекинуть мост от одной области к другой» [8, с. 137].

Учение Канта о самодостаточности и независимости друг от друга образов мира, порождаемых теоретическим и практическим видами познания, было слишком необычным, чтобы его легко приняли современники²². Для них, впрочем, не было секретом сосуществование в обществе и даже в сознании одного человека естественно-научного и религиозного воззрений на мир. Но, не считая их равноправными, они стремились доказать подчиненность одного воззрения другому. Теологи продолжали доказывать главенство религиозного образа мира и зависимость от него научных выводов, которые никак не могут и, главное, не должны противоречить Писанию. Просветители (и деисты, и атеисты), поддерживавшие и пропагандировавшие культ всего *природного, естественного*, отдавали науке о *природе* приоритет в решении всех вопросов, включая вопросы поведения людей, и отводили религии в лучшем случае, как это делал Вольтер, роль пугала, способного нейтрализовать преступные замыслы, порождаемые страстями менее сильными, чем страх перед загробным воздаянием.

В случае отсутствия у человека *добрых чувств и морального интереса* не считал предосудительным запугивание с помощью религиозных верований и Кант: «...имеется достаточно средств для того, чтобы вселить в него *страх* перед бытием бога и загробной жизнью» [5, с. 1041]. Он, однако, был убежден, что внушаемый религией страх не сможет сделать человека моральным. Религиозную веру, основанную на страхе, он называет «*негативной верой*», которая, по его словам, «не могла бы порождать моральность и добрые чувства, но могла бы создать им аналог, а именно могла бы в значительной степени сдерживать порывы к совершению зла» [Там же, с. 1041].

Кант всегда был верен идеалам *Просвещения* как духовно-практического движения, задача которого – с помощью широкого распространения научных знаний сделать невозможным возврат к Средним векам, когда церковь обладала монополией в постановке и решении всех вопросов, которыми допустимо задаваться человеку. Суждения Канта о *пропасти*, разделяющей *область безусловно-практического познания* (право, мораль и *религия разума*) и *область исключительно теоретического познания* (мир *природы* и всего *естественного*), пресле-

²² Менее чем через 100 лет представление о сосуществовании равноправных образов мира, в основе которых лежат различные познавательные интересы и приемы интеллектуальной деятельности, станет вполне обычным. О различном видении одних и тех же объектов в *науках о природе* и в *науках о духе* говорил В. Дильтей; В. Виндельбанд и Г. Риккерт писали о принципиальном отличии методов естествознания и истории, которые порождают два самостоятельных образа мира – *природу* и *культуру*. О двух видах числительных (количественных и порядковых), лежащих в основаниях идей *природы* и *истории*, рассуждал О. Шпенглер.

довали, помимо прочего, и цель оградить *естествознание* и науки вообще от диктата теологов, которая была всё еще актуальной в немецких землях конца восемнадцатого века. О важности этой цели свидетельствует и полемика Канта с *библейскими теологами* в работе *Спор факультетов*, и на шумевшая отставка в том же 1798 году И. Г. Фихте из Йенского университета из-за обвинений в атеизме.

Разграничение Кантом сфер эксклюзивных компетенций двух видов познания напоминает средневековое учение о *двух истинах*, которое служило, по сути, той же цели – предоставлению разуму свободы в исследовании любых предметов и постановке любых проблем. Аверроисты, а затем Фома и томисты, обосновывая право *естественного* разума на самостоятельные разыскания истины (ведь бог наделил людей разумом не для того, чтобы он бездействовал), всё же признавали приоритет *истин веры* в случае их противоречия с *истинами разума*. Кант же считал своей важнейшей задачей доказательство мнимости отношения взаимоисключения между естественно-научным (теоретическим) образом мира и религиозным (морально-практическим) мировоззрением²³.

Естествознание, которое Кант называл *теоретическим*, и бурно развивающаяся биология²⁴ рассматривались просветителями и теологами восемнадцатого и последующих столетий как альтернатива религиозному мировоззрению и главный источник атеистической аргументации. Однако, полагал он, *знания о природе* и *религиозная вера* отнюдь не исключают друг друга и вполне совместимы в сознании людей, которые вовсе не мучаются от противоположности мировоззрений, порождаемых их собственным *рассудком* и их же собственным *разумом*. В своих выводах Кант опирался не только на свою спокойную и уравновешенную *религиозную веру*. Возможно, он имел в виду широко известный факт экзальтированной религиозности Кеплера и Ньютона, а также искреннюю веру в бога многих других творцов научной революции XVII–XVIII вв., что не мешало им создать новое естествознание, не нуждающееся, по его словам, в *помощи бога* для объяснения способов *устроения природы или их изменения* [7, с. 667].

Религиозная вера, по Канту, есть неистребимая потребность *разума*, такая же естественная для человека, решающего моральные проблемы, как и непреодолимое стремление его *рассудка* к *знанию*. Поэтому, считал он, аргументы *теоретического естествознания* не могут превратить верующего в атеиста, а доводы рациональной теологии и догматического богословия не являются *основаниями, перед которыми не устояла бы даже самая упорная скептичность*, а потому они не способны принудить человека, *равнодушного* к моральному закону, поверить в существование бога и загробной жизни [5, с. 1039–1041].

Естествознание и религия, полагал он, дают ответы на совершенно разные вопросы, которые одинаково важны для людей и не могут подменять или исключать друг друга. Принципы *теоретического познания*, итогом которого является *знание о природе*, не позволяют даже поставить вопрос о том, *что и как следует делать*, если речь идет о морально-правовой сфере. Поэтому *теоретическое естествознание*, отвечая на вопрос, *что есть*, принципиально не может быть, по Канту, конкурентом религии, которая отвечает на вопрос *практического познания*, что *обязательно должно быть* и какое *поведение* способно превращать *должное* в *действительное*. Но и религия, практическую суть которой Кант видел в доведении до каждого человека *совокупности его обязанностей*²⁵, не способна конкури-

²³ Термин *мировоззрение* (*Weltanschauung*) появился в немецком философском языке уже после Канта.

²⁴ Кант не включал биологию (часть современной ему *телеологии*) в *теоретическое естествознание* из-за господствовавших в ней тогда *искусственных* классификаций.

²⁵ «Религия – это... совокупность всех наших обязанностей вообще как *велений божьих*», – говорится в *Споре факультетов* [16, с. 80].

ровать с теоретическим естествознанием в ответе на вопрос о том, что есть, а что лишь мнится и воображается. И *рассудок*, эксклюзивная сфера которого – *теоретическое познание* с его культом знания ради знания, и *разум*, руководящий поступками людей на основе *практической веры* в осуществимость желаемого, должны оставаться, по Канту, в границах своих предметных областей и своих познавательных возможностей.

Резкое разграничение *области понятий природы* и *области понятия свободы*, позволявшее, по мысли Канта, избегать заблуждений, возникающих из-за использования приемов теоретического и практического видов познания за границами их применимости, делало еще более острым и без того чрезвычайно сложный вопрос о возможности практического использования теоретических знаний. Кант, правда, полагал, что своим описанием в *Критике чистого разума определяющей способности суждения* и ее функций, а также и аргументацией в работе *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* он сумел доказать, что решение *практически-технических* задач находится в исключительной компетенции рассудка и, следовательно, *теоретического познания*. Однако его критики, начиная с Ф. Г. Якоби, вполне справедливо, как кажется, утверждали, что образ действий, который намечает, по Канту, рассудок, касается исключительно *явлений*, тогда как люди практически действуют с непознаваемыми *вещами вне нас (Dinge außer uns)*²⁶. Впрочем, решение Кантом вопроса о практическом использовании результатов *теоретического познания*, по легенде вставшим уже перед первым теоретиком древности Фалесом, упавшим в яму на дороге во время созерцания звездного неба, требует особого исследования и, значит, новой статьи.

Литература

1. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М., 1975.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М., 1975.
3. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 3. – М., 1981.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 4. – М., 1984.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2. – Ч. 1. – 2-е изд. – М., 2006.
6. Кант И. Основоположение метафизики нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
7. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 4. – М., 2001.
9. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
10. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Сочинения в шести томах. – Т. 4. Ч. 2. – М., 1965.
11. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
12. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 6.
13. Кант И. Антропология // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.

²⁶ Термин *Ding außer uns* (иногда *außer mir*, т.е. *вне меня*) появляется в *Предисловии* ко второму изданию *Критики чистого разума*, где Кант называет *скандалом для философии* необходимость доказывать реальное существование именно *вещей вне нас*, от которых *мы получаем весь материал для познаний* [5, с. 43]. Термин *Ding außer uns* – почти синоним словосочетания *Ding an sich (Ding an sich selbst betrachtet)*. Последнее подчеркивает невозможность для людей рассматривать *вещь* такой, какой ее мог бы видеть бог, не связанный пространственно-временными ограничениями человеческого восприятия. *Ding an sich* – более широкое понятие, обозначающее у Канта и ту *вещь*, которая находится *вне нас (außer uns)*, и ту, которая *внутри нас*, то есть *душу*, какой ее мыслила *рациональная психология* его времени.

14. Кант И. Из рукописного наследия. – М., 2000.
15. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
16. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 7. – М., 1994.
17. Кант И. Статьи и письма разных лет // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 8. – М., 1994.
18. Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
19. Eine Vorlesung Kants über Ethik / Herausg. von Paul Menzer. – Berlin, 1924.
20. Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. – Bonn, 1974.

Gennadiy Vasil'evich Boldygin,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

I. Kant on Coexistence of Knowledge and Belief

The article deals with I. Kant's attempt to solve a problem of the foundation ensuring peaceful coexistence of scientific and religious world outlooks. That was particularly evident during the scientific revolution of the New Age. He believed that principally different subject matters of theoretical and practical cognition and the consequent differences in goals, aims and methods of research constitute the base for the coexistence. The subject matter of the theoretical mode of cognition proved to be natural, i. e. not depending on anyone's will, phenomena and processes. The practical cognition approves reasonable behavior of free persons sharing moral responsibilities as its subject matter. The result of theoretical cognition is knowledge of the qualities of the world that cannot be changed, while the practical cognition creates the belief in achieving the desired result by virtue of freely chosen rules of conduct.

Key words: Kant; nature; the practical; the theoretical; cognition; knowledge; belief; rules of conduct.